

Осно́вание Новоу́городка: гипотезы и реальность

Татьяна БУБЕНЬКО,
кандидат исторических
наук, доцент

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ,
кандидат исторических
наук

Начав свое развитие как поселок на пути славянского освоения Понеманья, Новогрудок прошел через этап существования открытого торгово-ремесленного поселения и волостного центра округи и только в начале XII века на его основе в период правления князя Всеволодки был построен город, который и получил название Новоугородок.

Современный Новогрудок в письменных источниках появляется довольно поздно. Первое косвенное упоминание его существования относится к 1228 году, когда

киевский князь Владимир в союзе с половцами, с князьями и «...Коуряны и Пиняны и Новоугородцы и Тоуровыцы обседоша Каменець» [1, стб. 753].

Летописное сообщение 1235 года является вторым косвенным упоминанием: «...по том же лете Данил (Галицкий) возведе на Конрада (Мазовецкого) Литву Миндовга, Изяслава новгородского» [1, стб. 776].

Происхождение князя Изяслава дискуссионно. Одни историки связывают его с Изяславом Владимировичем, князем из Новгород-Северского. Существует мнение, что Изяслав новгородский – представитель пинской династии, внук Юрия Ярославича (князя туровского, пинского в 1140–1160 годах), который был женат на дочери Всеволодки городенского и действительно мог занимать княжеский стол в Новогрудке [2, с. 215; 3, с. 18–44].

Беспорное известие о существовании Новогрудка относится только к 1252 году, когда в связи с военными действиями против Литвы Даниил Галицкий и его сын Василька «...пойдовста к Новоугородоу» [1, стб. 816]. Начиная с этого времени и до конца XIII века Новогрудок постоянно встречается на страницах Ипатьевской летописи. Несмотря на то что достоверные

ОБ АВТОРАХ

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна.

Родилась в г. Березино Минской области. В 1980 году окончила исторический факультет БГУ имени В.И. Ленина.

В 1977–1993 годах – старший лаборант, научный сотрудник, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института истории Национальной академии наук Беларуси. В 1993–1998 годах работала в Витебском горисполкоме заведующей сектором охраны памятников и археологии. С сентября 1998 года – доцент кафедры истории Беларуси ВГУ имени П.М. Машерова.

Кандидат исторических наук (1991), доцент (1998).

Автор свыше 180 научных, научно-популярных и энциклопедических статей, 1 монографии, 6 учебно-методических пособий (3 – в соавторстве).

Сфера научных интересов: археологическое изучение средневековых городов и сельских поселений Беларуси.

МЕТЕЛЬСКИЙ Андрей Анатольевич.

Родился в 1960 году в г. Коттбус (Германия). В 1984 году окончил Гродненский государственный университет, в 1990 году – аспирантуру Института истории АН БССР.

В 1977–1979 годах работал техником лаборатории технических средств обучения Гродненского пединститута имени Я. Купалы. С 1990 года работает в Институте истории НАН Беларуси, с 2014 года – старший научный сотрудник отдела источниковедения и археографии.

Кандидат исторических наук (1993).

Автор более 200 научных работ, в том числе 7 монографий (1 – в соавторстве).

Сфера научных интересов: археология и история Средних веков и Нового времени.

◀ Замок в Новогрудке.
Художник В. Стаценюк

летописные источники не вспоминают Новогрудок до XIII века, историки делают попытки найти более раннюю дату первого упоминания города и определить имя его основателя.

В первой половине XIX века Т. Нарбут выдвинул гипотезу об основании Новогрудка в 1116 году сыном Владимира Мономаха Ярополком. Аргументом для Т. Нарбута было созвучие в названии города Желня, куда Ярополк Владимирович вывел жителей Друцка, с упоминаемым в документах второй половины XVI века Желненским подзамчием в Новогрудке [4, с. 273–274]. Однако в летописях отсутствуют сведения о нахождении Ярополка Владимировича на Понеманье.

В 1930-х годах Е. Жмигородский, со ссылкой на В.Н. Татищеву, высказал предположение, что Новогрудок был основан в 1044 году Ярославом Мудрым [5, с. 7]. В начале 1970-х годов Н.И. Ермолович уже со ссылкой на Софийскую первую, Новгородскую четвертую летописи и В.Н. Татищеву вновь выдвинул этот тезис, но он не был принят историками и оставался мало заметным вплоть до выхода его монографии, посвященной истории Беларуси полоцкого и новгородского периодов [6]. В 1990-е годы в период становления белорусской государственности данное исследование стало настольной книгой целого поколения белорусов. Все изложенные в ней даты, события, гипотезы принимались априори и, как результат, сегодня историки-профессионалы вынуждены доказывать не только общестественности, но и порой своим коллегам ошибочность данной точки зрения.

Действительно, в упомянутых летописях под 1044 годом у В.Н. Татищева имеется сообщение: «Ходи Ярослав на Литву и на весну заложил Новгород». Однако анализ этой записи показывает, что она не имеет отношения к строительству понеманского Новогрудка. Во-первых, здесь речь идет о Новгороде, а во-вторых, если читать внимательно, то «Новгород» был заложен не в 1044 году, а «на весну», то есть в 1045 году.

Неуместно апеллирование к В.Н. Татищеву, который в комментариях к сообщению 1044 года, пишет: «Сие, разумеется, о литовском Навагородке, но паче мнится о Северском, ибо с сего времени о нем упоминание началось и Ярослава в сие времени в Новгороде не было» [7, с. 79, 243]. И это действительно так. Новгородская первая летопись старшего извода хотя и сообщает о походе Ярослава в 1044 году на Литву, но строительство Новгорода в 1045 году приписывает Владимиру Ярославичу.

Ни одна из древнерусских летописей ничего не знает о походе Ярослава в 1044 году, хотя есть упоминания его многочисленных походов на литву и ятвягов. Этот поход появляется только в летописях, созданных в конце XV века, и его достоверность вызывает сомнение. В то же время археологами доказано возведение в середине XI века первого детинца в Новгороде Великом, что согласуется с летописным сообщением о его строительстве в 1044–1045 годах [8, с. 3–11]. Таким образом, к нашему Новогрудку дата 1044 год и Ярослав Мудрый не имеют отношения. Об этом неоднократно писала Ф.Д. Гуревич, исследовавшая древности Новогрудка на протяжении четверти века [9; 10].

▲ Замок в Новогрудке.
Реконструкция
по материалам
М.А. Ткачева. Художник
Е. Кулик

Рассматривая вопрос о зарождении и становлении Новогрудка (летописные названия Новгородокъ, Новгородок, Новогородок), можно сделать предположение о существовании в его округе старого Городка, в противовес которому было основано новое поселение. Причин для возникновения нового городка могло быть много, но суть одна: летописный Новгородок – Новый городок должен был иметь предшественника.

Проблеме локализации центра долетописного Новогрудка исследователями уделено много внимания. Однако поиски старого Городка, первоначального административного центра, не увенчались успехом. Ни одно из исследованных в окрестностях Новогрудка городищ не может претендовать на роль политического центра X–XI веков. Исходя из этого, Ф.Д. Гуревич предположила, что «Новым городом» памятник стал называться относительно ранее существовавших догородских поселений на новогрудских возвышенностях [10, с. 71]. Данная гипотеза получила развитие у С.А. Пивоварчика, который усмотрел здесь процесс синойкизма: два соседних родовых поселка объединяются в один город, который и стал «новым» не только в отношении неукрепленных догородских поселений, но и «новым» вообще в данном регионе [11, с. 11]. Но, на наш взгляд, предложенные версии генезиса Новогрудка не дают от-

вета на вопрос о локализации ядра города X–XI веков и причинах его переноса на новое место.

Ф.Д. Гуревич считала, что основой для формирования топографической структуры города послужили три поселения, существовавшие с конца X века на трех возвышенностях: Замковой горе, расположенном западнее нее Малом замке и небольшом холме юго-западнее Малого замка [10, с. 61]. Это положение стало аксиомой при построении концепции генезиса и развития Новогрудка.

Исследователь установила, что первоначальное поселение в Новогрудке возникает на Малом замке. Наиболее ранние материалы здесь представлены находками лимонитовых бус, односторонними гребнями, ключом типа «А», бронзовыми пластинчатыми перстнями, керамикой, характерной для X–XI веков [9, с. 11, 15, 18–32, 102–104].

Археологическими изысканиями также установлено, что не позднее конца X века на Борисоглебском холме возникло поселение [10, с. 61], которое, судя по материалам, в XII–XVIII веках функционировало как посад. На Замковой же горе, которая, по мнению Ф.Д. Гуревич доминировала над остальными холмами, под первоначальным валом обнаружен культурный слой с керамикой, бытовавшей не ранее первой половины XI века. В центральной ее части, по наблюдениям Ф.Д. Гуревич, «... в предматериковом слое и на уровне материка не встретились находки древнее XII века» [10, с. 61]. Таким образом, получается парадоксальная картина: территория детинца летописного города начала заселяться позже, чем остальные его районы.

Причины позднего заселения восточной части Замковой возвышенности становятся понятны после сопоставления отметок геодезических высот и мощности культурного слоя. Малый замок и Замковая гора Новогрудка имеют одинаковую высоту. Их дневная поверхность находится на отметках 317–316 м над уровнем Балтийского моря на Малом замке и 316,5 м на Замковой горе. В районе Борисоглебского храма современная дневная поверхность имеет высоту 311,2 м. Принимая во внимание мощность культурного слоя – от 1 до 3 м на Малом замке и от 3,5 до 5 м на Замковой горе, можно утверждать, что первоначаль-

чально площадка будущего Малого замка была выше остальных холмов. Самая высокая ее точка приходится на центральную часть (отметка 315 м). На Замковой горе первоначально площадка располагалась на высотах 313–311 м и имела уклон с севера на юг. Борисоглебская возвышенность изначально имела высоту около 310–309 м.

Более того, визуальное знакомство с местностью, анализ соотношения Малого замка и Замковой горы вызывают сомнения в правомерности утверждения о существовании изначально в Новогрудке трех возвышенностей. На наш взгляд, Замковая гора и Малый замок Новогрудка первоначально представляли собой единое плато квадратной формы со сторонами примерно 180 x 180 м (около 3,6 га), которое, для удобства, будем называть Замковая возвышенность. Ров, разделивший некогда единую возвышенность на две части, был вырыт не ранее XIII века. В ходе исследований на краю площадки Малого замка, обращенному к Замковой горе, Ф.Д. Гуревич зафиксирована постройка № 29, датированная второй половиной XII – рубежом XII–XIII веков [9, с. 16, 26]. Судя по сводному плану построек Малого замка, данный сруб был обрублен при рытье рва, а это позволяет утверждать, что на рубеже XII–XIII веков ров между Замковой горой и Малым замком еще не существовал, и эти два памятника представляли одно целое – единую площадку Замковой возвышенности, на которой и возник детинец Нового городка.

Доминантное положение западной части Замковой возвышенности (Малого замка) и стало причиной раннего заселения данного участка. Восточная ее окраина (Замковая гора) оставалась незаселенной до второй половины XI века.

В ходе археологических исследований на Борисоглебской возвышенности зафиксирован культурный слой мощностью до 2 м, из которых нижние 0,4–0,6 м относятся к концу X – началу XII века. Верхняя граница древнейших напластований фиксируется строительным мусором времени сооружения каменной церкви во второй четверти XII века. Вещевые комплексы из древнейшего слоя явно указывают на городской характер поселения.

Материалы исследований Малого замка и Борисоглебской возвышенности

показывают, что к XI веку здесь сложились поселения с развитыми торговыми связями и ремесленной деятельностью. Их жители занимались бронзолитейным производством и торговлей, обработкой черных металлов, косторезным ремеслом, гончарством [9, с. 20, 28, 128]. В XI веке на Малом замке сформировалась ремесленная элита, которая работала с драгоценными металлами.

Картографирование памятников X–XI веков показывает, что Новогрудок находится в центре скопления сельских поселений и, являясь самой высокой точкой Новогрудской возвышенности, доминирует над местностью. Селища X–XI веков известны возле деревень Марулины, Городиловка, Ляховичи, Черешля, у деревни Городечно. В VIII–X веках средневековое поселение существовало на городище у деревни Радогоща.

Возможно, уже тогда, учитывая наличие достаточно высокого уровня развития ремесла и торговли, поселение на Замковой возвышенности стало брать на себя функцию центра округа в процессе освоения славянами Верхнего Понеманья.

Отсутствие фортификации вокруг поселков на Замковой и Борисоглебской возвышенностях может свидетельствовать в пользу того, что данное большое открытое торгово-ремесленное поселение (ОТРП) взяло на себя роль центра формирующейся вокруг него волости и являлось погостом. Косвенное подтверждение этому предположению мы находим в уставных грамотах Туровской епархии.

В соответствии с уставной грамотой в 6513 году (1005/1006 годах) по указанию киевского князя Владимира была организована епископия в Турове: «...И придал к ней города и погосты в послушание и священие и благословение держать себе Туровской епископии; Пинск, Новгород [Новогрудок], Городен, Слоним, Берестей, Волковыск, Здитов, Небле, Степан, Дубровица, Высочна, Слуцк, Копыл, Ляхов, Городен, Смедянь...» [12, с. 271–272].

Грамота, которая перечисляет источники материального обеспечения туровской кафедры, была создана во второй половине XIV века [12, с. 255–256, 271]. Не владея материалом относительно времени зарождения того или иного населенного пункта, автор вносил в нее ситуацию, существовавшую на момент написания. Однако большая

часть упоминаемых в грамоте населенных пунктов в начале XI века в том или ином виде уже развивалась, и поэтому дату основания епископии нельзя считать выдуманной. Скорее всего, грамота опиралась на традицию летописания и ведения документации в Туровской епархии. Упоминание же в ней Новгорода (Новогрудка) позволяет отнести существовавшее поселение X–XI веков (первоначальное название которого стерлось из памяти ко времени составления грамоты и автор вставил в грамоту существующее на время ее написания название города) на территории современного Новогрудка, как минимум, к категории погостов – центров волости.

Без сомнения, центр волости должен был иметь укрепленное ядро. Существование на Замковой возвышенности открытого торгово-ремесленного поселения позволяет предполагать о наличии рядом с ним административного центра волости, по отношению к которому данное поселение выступало бы как посад. Примеры парного существования двух центров – экономического и политического – не единичны. Рядом с большим по площади поселением догородской эпохи существовало небольшое городище – опорный пункт княжеской власти.

Роль городского ядра раннего Новогрудка – старого Городка мог взять на себя расположенный южнее Замковой возвышенности холм размерами около 80 x 50 м, который показан отдельной высотой на плане Новогрудка 1810 года в районе Борисоглебского храма.

Немаловажное значение в вопросе локализации раннего политического центра имеет и наличие на поселении культового сооружения. Строительство на Борисоглебской возвышенности во второй четверти XII века каменного храма может служить одним из доказательств существования здесь старого центра княжеской власти. Ведь церкви во имя святых мучеников Бориса и Глеба выполняли функцию патрональных храмов и, как правило, возводились на княжеском дворе. А традиция размещения княжеских дворов за пределами городских детинцев известна и прослеживается в Смоленске, Полоцке, Галиче, Новгороде, Пскове, Старой Рязани, Владимире. Она отражает существование определенной автономии городов от кня-

жеской власти, что находит подтверждение в составлении «рядов» между городом и князем.

Не исключено также, что каменный храм был возведен на месте более раннего деревянного. Косвенным подтверждением этому служит размещение восточнее церкви кладбища, где нижний ярус погребений отделен от захоронений XII–XIII веков прослойкой песка, а отдельные костяки были перекрыты доломитовыми плитами времени сооружения Борисоглебского храма.

В качестве административного, ремесленно-торгового, возможно, и культового центра округа подошло поселение в историческом центре современного Новогрудка к XII веку, который круто изменил его судьбу и превратил в полноценный город.

На сегодняшний день камнем преткновения в истории поселения в Новогрудке остается вопрос датировки строительства первоначального вала вокруг Замковой горы, а стало быть, и времени превращения ее в детинец Новогрудка. Ф.Д. Гуревич датирует время возведения фортификационных сооружений на Замковой горе Новогрудка второй половиной XI века, ссылаясь на исследования П.А. Раппопорта и М.А. Ткачева.

П.А. Раппопорт утверждает, что укрепления возведены не вокруг существующего неукрепленного поселка, а одновременно с возникновением поселения в X веке [13, с. 122]. Правда, на чем базируется данное утверждение, не поясняет. М.А. Ткачев пишет, что первоначальные укрепления были сооружены в конце X – начале XI века и до середины XIII века они не менее пяти раз усиливались [14, с. 312], однако фактологический материал не приводит.

Не вносит ясности и прорезка оборонительного вала, проведенная В.Е. Соболев [15]. Исследователь приводит датировку ранних укреплений, предложенную Ф.Д. Гуревич, поскольку артефактов, датирующих слой под насыпью вала, он не обнаружил.

Тем не менее анализ материалов из нижнего горизонта, полученный предшественниками, и материалы авторских исследований позволяют определить предположительное время сооружения вала. Под вскрытым в 1962 году участком вала помимо керамики конца X – XI века были обнаружены вещи, временные рамки

бытования которых не опускаются ниже XII века. Их присутствие в древнейшем слое Ф.Д. Гуревич объясняет «случайностью» или, возможно, более ранним их происхождением [10, с. 302]. Среди таких вещей упомянут крюк для шнуровки, находку которого следует связывать с половецким миром (XII–XIV века), и пряжка, инкрустированная серебряной насечкой, аналогия которой известна в древностях Подляшья XII века.

Дополнительными аргументами в пользу поздней даты (XII век) возникновения укреплений вокруг восточной части Замковой возвышенности могут служить слабая заселенность участка (мощность напластований старше XII века 20–25 см, почти полное отсутствие бытовой застройки второй половины XI – начала XII века, бедность слоя на находки. Это указывает не только на привилегированный состав населения детинца, но и на городской характер поселения. Неоднократно в публикациях Ф.Д. Гуревич отмечает, что во второй половине XI века Замковая гора практически оставалась незастроенной. Активная ее застройка начинается лишь с начала XII века, и, как показали раскопки 1985 года, юго-восточная часть площадки детинца начала застраиваться не ранее конца этого столетия [10, с. 61].

Таким образом, комплексное изучение топографических карт с их привязкой к современному рельефу местности, а также археологических материалов, полученных как Ф.Д. Гуревич, так и авторами, указывает, что поселение на территории современного Новогрудка первоначально возникло на западной части Замковой и на Борисоглебской возвышенности в конце X века. На протяжении XI века оно прошло путь от простого поселения до погоста, центра волости в Верхнем Понеманье. Превращение этого поселения в город со всеми присущими ему социально-экономическими признаками началось не ранее XII века.

Чем же была вызвана необходимость возведения Новогородка в начале XII века и кто мог быть его строителем? Появление города-крепости Новогородка в первые десятилетия XII века не было случайным или каким-то уникальным процессом для Верхнего Понеманья. К этому времени относится строительство фортификационных сооружений и в других городах региона

(Гродно, Слоним, Волковыск, Турыйск на Немане).

Как видим, эта грандиозная градостроительная деятельность на Верхнем Понеманье укладывается в узкие хронологические рамки – начало XII века, что могло быть связано с целенаправленной деятельностью одного из князей. И, на наш взгляд, в разработке вопроса о строителе Новогородка наибольший интерес представляет фигура гродненского князя Всеволодки.

Он впервые упоминается в летописях в 1116 году в связи с тем, что Владимир Мономах «отда дщерь свою Огафью за Всеволодка». В сообщении не говорится, где княжил Всеволодка, но уже в 1127/1128 годах мы встречаем Всеволодку «из Городна», идущего в коалиции князей против Глеба Всеславича Менского, а в 1132 году он принимает участие в походе на литву. Городенским назван Всеволодка и в сообщении о его кончине под 1141/1142 годом [1, стб. 284, 292, 294, 309].

А.В. Назаренко не согласен с мнением, что Всеволодка был сыном Давыда Игоревича. Исследователь считает его отцом берестейского князя Ярослава Ярополчича, умершего в августе 1102 году в заточении в Киеве в результате его возмущения против киевского князя Святослава Изяславича. Дети Ярослава, по мнению А.В. Назаренко, до 1117 года находились при киевском дворе. Чтобы дело не выглядело как ущемление

▲ «Новогрудок. Вид фары с горы замчища». Рисунок Я. Дроздовича. 1928 год

▲ Борисоглебская церковь в XII веке (графическая реконструкция)

династических прав, Владимир Мономах по достижению Всеволодкой совершеннолетия дал ему образованную Городенскую волость, выделив Верхнее Понеманье из владений Ярослава Святополчича. А женив Всеволодку на своей дочери Агафье, Владимир Мономах надежно привязал династию гродненских князей к своим потомкам. Не случайно на протяжении XII века Всеволодка, а затем и его сыновья Борис, Глеб и Мстислав всегда выступают в союзе с киевскими князьями, а киевский князь Всеволод Ольгович в 1144 году организовывал замужество дочерей Всеволодки [16, с. 126–129].

Вышеизложенное позволяет предположить, что возникновение городов в Верхнем Понеманье напрямую связано с целенаправленной деятельностью гродненского князя Всеволодки по обустройству своего удела, строительству на основе административных и военных центров предшествующей эпохи полноценных городов – административных, ремесленно-торговых, военных, культурных и культовых центров Гродненского княжества.

Политика одной руки, в нашем случае Всеволодки, прослеживается не только в возведении городов, но и в храмовом стро-

ительстве, где приоритеты отданы культуре святых Бориса и Глеба, именами которых названы и старшие сыновья гродненского князя.

В Гродно на Замковой горе во второй четверти – второй половине XII века возводится так называемая Нижняя церковь. Она, вероятно, сгорела во время пожара 1183 года: «Городен погоре весь и церкви каменная от блистание молние и шибения грома» [1, стб. 634] и больше не восстанавливалась.

В Новгороде также возводится каменный храм на Борисоглебской возвышенности, который М.К. Каргер датирует серединой – второй половиной XII века. Схожесть строительной техники новгородского храма и витебской Благовещенской церкви в комплексе с артефактами, обнаруженными в ее заполнении, позволили Ф.Д. Гуревич подкорректировать время его возведения второй четвертью XII века, что практически совпадает со временем строительства Нижней церкви в Гродно. Начало строительства каменного храма в Волковыске П.А. Раппопорт относит ко второй половине XII века, что также укладывается в единые рамки.

Единоновременность возведения культовых сооружений в трех наиболее крупных городах Гродненского княжества: Нижней церкви в Гродно, предположительно, Борисоглебского храма в Новогрудке, а также закладка каменного храма в Волковыске может свидетельствовать об административном делении территории княжества на уделы, имевшем место после смерти Всеволодки Ярославича. В 1144 году «Всеволодковича два Борис и Глеб» обозначены среди участников похода киевского князя Всеволода Ольговича (1139–1146) на Владимирка Володаревича Галицкого, следовательно, они должны были иметь к этому времени свои столы. Вероятнее всего, это были княжеские уделы в Гродно и в Новогрудке.

Судя по летописным сообщениям, на гродненском столе поочередно сидели Борис Всеволодкович (1141/1142 – не позднее 1166), Глеб Всеволодкович (не позднее 1166 – 1170) и Мстислав Всеволодкович (1170 – не ранее 1183) [16, с. 126]. Строительство в Новогрудке церкви во имя святых Бориса и Глеба позволяет предположить, что новгородский удел после смерти

отца мог достаться среднему брату – Глебу. Аргументом в пользу его правления в Новогрудке может служить фресковая роспись богатой постройки первой половины XII века на Малом замке, именуемой Ф.Д. Гуревич «повалушей».

На одной из фресок сохранилось изображение мужчины в княжеской шапке. Художник нарисовал человека безбородым. Это мог быть молодой князь Глеб, которого обычно рисуют без бороды. Если принять во внимание, что рядом с повалушей в западной части Замковой возвышенности отмечена концентрация богатых домов, сменяющих друг друга на протяжении длительного времени, и существование здесь квартала златокузнецов, то вполне допустимо, что жилище с фресковой росписью, где работал вотчинный ювелир, могло принадлежать князю Глебу. На то, что в этой части Замковой возвышенности находились и другие княжеские постройки, указывает находка в постройке № 9, расположенной рядом с постройкой № 12, – буллотирий для клеймения пломб, относящийся к категории предметов, принадлежащих княжеской администрации.

Не исключено, что именно здесь и располагалась подворье новгородских князей. Тем более что, по наблюдениям Ф.Д. Гуревич, на данном участке практически отсутствовали хозяйственные постройки, которые на протяжении XII–XIII веков были сосредоточены в восточной части Замковой возвышенности, на территории современной Замковой горы.

Таким образом, градостроительные процессы, происходившие на Верхнем Понеманье в начале XII века, связаны с целенаправленной деятельностью князя Всеволодки Ярославича по трансформации «городков» – центров волостей в полноценные города, которые после дробления Гродненского княжества на уделы стали административными, торгово-ремесленными, военными и культурными центрами новоорганизованных княжеств.

Поселение на территории современного Новогрудка, начав свою историю как поселок, возникший в X веке на пути освоения славянами Верхнего Понеманья, уже в начале XI века стало административным и, возможно, центром христианизации волости, локализующейся авторами на Бориголебской возвышенности.

Рядом, на Замковой возвышенности, с X века развивается торгово-ремесленное поселение. Эта возвышенность как по своей площади, так и по социально-экономическому развитию как нельзя лучше подходила на роль детинца «нового града».

Возведение князем Всеволодкой Ярославичем по периметру площадки Замковой возвышенности в конце первой четверти XII века оборонительного пояса с деревянными клетями – городнями завершило процесс трансформации торгово-ремесленного поселения в средневековый город и сформировало его детинец. Именно князь Всеволодка Ярославич построил в начале XII века новый город – летописный Новоугородок. Таким образом, сегодня мы можем ставить вопрос о 900-летнем юбилее превращения поселения на территории современного Новогрудка в город и юбилее его названия, но никак не о первом упоминании о нем. Дата «1044 год» не имеет никакого отношения к интересующему нас Новогрудку. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись / Академия наук СССР, Ин-т истории; отв. ред.: акад. М.Н. Тихомиров. – М.: Восточная литература, 1962. – 938 стб.
2. Котляр, Н.Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование / Н.Ф. Котляр. – СПб, 2008. – 318 с.
3. Семянчук, Г., Шаланда, А. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны) / Г. Семянчук, А. Шаланда // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – Białystok, 1999. – Nr 11. – S. 5–20.
4. Narbutt, T. Dzieje starożytne narodu Litewskiego / T. Narbutt. – Т. 3. – Wilno, 1838. – 640 s.
5. Żmigrodzki, J. Nowogródek i okolicy / J. Żmigrodzki. – Nowogródek, 1931. – 48 s.
6. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск, 1990. – 320 с.
7. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен: т. 1–7. – Т. 2. – М.–Л.: Наука, 1963. – 366 с.
8. Алешковский, М.Х. Новгородский детинец 1044–1430-х гг. (по материалам новых исследований) / М.Х. Алешковский // *Архитектурное наследие*. – 1962. – Вып. 14. – С. 11–37.
9. Гуревич, Ф.Д. Древний Новогрудок (посад – окольный город) / Ф.Д. Гуревич. – Л.: Наука, 1981. – 160 с.
10. Гурэвіч, Ф.Д. Летпісны Новгарадок (старажытнарускі Наваградак) / Ф.Д. Гурэвіч. – СПб – Наваградак, 2003. – 320 с.
11. Піваварчык, С. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII стст.) / С. Піваварчык // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – Białystok, 1996. – Nr 2. – S. 4–14.
12. Шапов, Я.Н. Туровские уставы XIV века о десятине / Я.Н. Шапов // *Археографический ежегодник за 1964 год*. – М.: Наука, 1965. – С. 248–276.
13. Раппопорт, П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / П.А. Раппопорт // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – 1967. – № 140. – 241 с.
14. Ткачев, М.А. Исследования памятников военного зодчества Белоруссии / М.А. Ткачев // *Археологические открытия 1969 года*. – М.: Наука, 1970. – С. 312.
15. Собаль, В.Е. Некаторыя вынікі даследаванняў мураванага замка ў Наваградку / В.Е. Собаль // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. – 2006. – Вып. 22. – С. 220–230.
16. Назаренко, А.В. Городенское княжество и городенские князья в XII веке / А.В. Назаренко // *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования)*. – М.: Наука, 2009. – С. 212–260.